

Глава 12. Распоряжения

Цюху добрался до переулочка Дэнцао и, отсчитав дома согласно наказу, остановился перед третьими воротами. В этой усадьбе и впрямь проживало семейство по фамилии Су. Стоило юноше постучать, как за дверью послышались шаги, и вскоре на пороге показался служка — по виду совсем еще отрок, но на редкость вышколенный.

Сложив руки в учтивом поклоне, малец проговорил:

— Моего господина сейчас нет дома. Коли у вас к нему дело, будьте любезны оставить записку. Хозяин велел передать, что ответит каждому в свой черед.

Цюху протянул ему лаковую шкатулку:

— Я прибыл по приглашению, дабы разыскать господина Фан Цзысина. Прошу тебя, передай: дело не терпит отлагательств. Я буду ждать ответа прямо здесь.

Мальчик на миг растерялся, но подношение принял. Переспросив, как в точности пишутся иероглифы имени Фан Цзысина, он поспешно скрылся за дверью.

Внутри дома в это время Су Хуай неспешно пил чай. Заметив приближающегося воспитанника со шкатулкой в руках, он небрежно осведомился:

— Ну и от кого на сей раз прошение?

— Опекун, — отозвался мальчик, — принес слуга из какой-то купеческой семьи. Говорит, ему надобно видеть Фан Цзысина.

Су Хуай замер. Приняв шкатулку и откинув крышку, он увидел внутри нефритовую подвеску с изображением цилиндра. В ту же секунду выражение его лица изменилось. Пальцы крепко сжали драгоценный камень.

— Где этот слуга? — резко спросил он.

— Ждет у ворот, — ответил мальчик.

— Немедля пригласи его в кабинет, угости сладостями. И отправь людей за Фан Цзысином! Старик Фан занемог, и Цзысин только позавчера отпросился, чтобы за ним приглядывать...

Су Хуай нахмурился, в его глазах блеснула тревога. Помолчав, он добавил:

— Еще пошли человека в лабиринт дворца. Пусть найдет Чжао Сыдэ и разузнает, чем сейчас занят Император.

Фан Цзысин еще не успел порог переступить, а вестовой из дворца уже вернулся с докладом:

— Старший брат Сыдэ передал: вчера в сумерках Его Величество изволил сесть на коня и покинуть дворец. Служители из Приказа императорских конюшен говорят, Государь распорядился делами и уехал, с тех пор его не видели.

Лицо Су Хуая побледнело от гнева.

— Чжао Сыдэ, никчемная душа! — прошипел он. — Сын Неба среди ночи покидает покои, а этот мерзавец даже не додумался известить меня! И ведь не прознал, кто из стражи сопровождал Его Величество... Зря я тратил на него время, ничему не научился!

Он вскочил с места, не в силах скрыть волнения:

— Прибыл Фан Цзысин?

— Пока нет, — отозвался отрок.

Су Хуай лихорадочно соображал.

— Ступай обратно. Пусть Чжао Сыдэ выяснит до мельчайших подробностей, кто из гвардейцев был с Императором. И еще... разузнайте, что подделывает Вдовствующая императрица.

Мальчик кивнул и вихрем умчался прочь.

Спустя некоторое время появился запыхавшийся Фан Цзысин. Су Хуай встретил его у входа и, не тратя времени на приветствия, повел вглубь дома, вполголоса излагая суть дела. Протянув ему подвеску, он прошептал:

— Взгляни, этот нефрит — вещь Государя, сомнений быть не может. Стоило мне уйти в отпуск, а тебе отпроситься из-за домашних неурядиц, как рядом с Императором не осталось никого из преданных людей. И вдруг нам приносят личный знак Его Величества... Всё это крайне подозрительно. Коли зовут именно тебя, ты и выйдешь к нему. А я затаюсь за ширмой, подстрахую, если что пойдет не так.

Фан Цзысин опешил:

— Евнух Су, неужто вы полагаете, что болезнь моего отца — чей-то злой умысел?

— Скажу прямо, — отрезал Су Хуай, — твой старик уже в годах. Заставить почтенного старца занемочь — дело нехитрое, я навскидку назову тебе дюжину способов... Сперва иди и расспроси этого слугу.

В кабинете Цюху сидел неподвижно, словно изваяние. Он не притронулся ни к чаю, ни к яствам, ожидая появления хозяев. Услышав шаги, юноша тут же поднялся — в каждом его движении сквозила безупречная выучка. Су Хуай, затаив дыхание за резной ширмой, внимательно изучал гостя, пытаясь разгадать его намерения.

Фан Цзысин вошел в комнату и, увидев Цюху, невольно вскрикнул:

— Так ты... тот самый...

Цюху, не медля ни секунды, отвесил четкий, глубокий поклон:

— Цюху приветствует господина Фана. Прошлой ночью молодой господин Хэлань пострадал от укуса змеи и ныне пребывает в поместье моего хозяина. Утром гость пришел в себя и велел мне передать вам весть. Он просит господина Фана и управляющего Су действовать сообща, дабы сохранить спокойствие в доме. Повсюду следует объявить, что господин Хэлань во время конной прогулки подхватил сильную простуду и ныне почивает, не принимая посетителей.

Фан Цзысин вздрогнул, его лицо исказилось от ярости и тревоги:

— Что?! Его Ве... Господин ранен?

Он непроизвольно сжал кулаки, глаза его широко распахнулись. В ту же секунду из-за ширмы, отбросив всякую осторожность, вышел Су Хуай. Его облик дышал суровой торжественностью.

— Где сейчас ваш господин? Приглашен ли лекарь?

Цюху и бровью не повел. Сохраняя невозмутимость, он сложил ладони:

— Могу ли я узнать, кто этот почтенный господин?

— Это управляющий Су, — поспешно представил его Фан Цзысин. — Не таись, парень, выкладывай всё как есть.

— Господин Хэлань ночью был ужален ядовитой змеей, — начал Цюху размеренно, отвечая на каждый вопрос. — По счастью, мой хозяин вовремя пришел на помощь. Гостю дали снадобья, выводящие яд, а приглашенный врач использовал пиявок, дабы вытянуть скверну. Опытный лекарь осмотрел рану и заверил, что опасности нет. Ныне лишь взор его затуманился от действия яда, но лекарь говорит, что это пройдет через несколько дней, как только тело

окончательно очистится.

Су Хуай подался вперед:

— Из какого дома твой хозяин? Где находится усадьба? Достаточно ли там слуг для ухода?

— Мой господин — Наследник князя Цзин, — смиренно отвечал Цюху. — Сейчас господин Хэлань отдыхает в загородном доме, о его пребывании там никто не знает. В поместье в достатке и снеди, и лекарств, так что почтенному управляющему не о чем беспокоиться.

В глазах Су Хуая вспыхнул узнавания огонек. Тот самый юный господин, что выложил сто тысяч лянов за выкуп "господина Хэланя"! На губах евнуха заиграла едва заметная улыбка.

«Наследник Сюй... Какая редкая удача, что Его Величество оказался именно у него!»

Мысли Су Хуая закрутились с невероятной скоростью. Молодой князь Сюй уже видел его раньше, так что самому ему появляться в том доме не след. Но нужно отправить пару смысленных мальчишек-евнухов для связи и, разумеется, послать Фан Цзысина.

— Коли наш господин под опекой Наследника, мы можем быть спокойны, — заговорил он быстро. — Однако, раз взору его ныне тяжко, он может нуждаться в особом уходе. У Государя в быту свои привычки, и ему, верно, будет неловко обременять слуг в доме князя. Я приставлю к нему двоих отроков, пусть они вместе с господином Фаном отправятся на подмогу.

— Мой господин наказывал, — кивнул Цюху, — что во всём полагается на решение господина Фана.

Су Хуай распорядился мгновенно. Вызвав Уфу и Люшуня, он отдал им строгие приказы, велел собрать узлы с тонким бельем, редкими снадобьями и отборным чаем. Вскоре два юных евнуха вместе с Фан Цзысином тайно покинули дом через задние ворота.

Когда запыхавшийся Фан Цзысин в сопровождении слуг добрался до квартала Бамбуковых Ветвей, Се И как раз изволил откусать бульона. Услышав о прибытии верного стража, он лишь сухо бросил:

— Пусть подождет.

Фан Цзысин замер в стороне, не смея поднять глаз. Сердце его обливалось кровью при виде Императора: очи Его Величества были скрыты белой повязкой, а тонкие губы сохраняли болезненный лиловый оттенок. Он стоял неподвижно, почти не дыша.

Уфу и Люшунь, оцепенев от страха, застыли позади него. Они с нескрываемым изумлением

наблюдали, как молодой князь Сюй самолично держит чашу и с величайшей осторожностью, ложка за ложкой, кормит их Государя.

Когда с бульоном было покончено, Сячао обтер губы Се И шелковым платком и помог ему устроиться на подушках. Сюй Чунь с мягкой улыбкой кивнул Фан Цзысину и, увлекая за собой слугу, покинул покои.

Едва дверь за ними закрылась, Фан Цзысин велел мальчишкам караулить у порога, а сам придвинулся ближе.

— Государь, как вы? — прошептал он. — Быть может, стоит тайно призвать придворных лекарей?

Се И холодно усмехнулся:

— Без их помощи я, пожалуй, проживу на несколько лет дольше.

Фан Цзысин склонил голову, едва сдерживая слезы:

— Ваше Величество, молю, берегите себя.

— Что слышно во дворце? — безразличным тоном осведомился Се И.

— Су Хуай узнал через верных людей: Вдовствующая императрица еще позавчера жаловалась на недомогание и велела лекарям дежурить в своих покоях. Супруга Цзин неотлучно пребывает при ней. В остальном — ничего необычного. Ваш отъезд остался незамеченным: в конюшнях отмечено, что вы покинули дворец, но гвардию тревожить не стали, дабы не спугнуть заговорщиков. В столице пока царит обманчивый мир.

Се И издал резкий смешок.

— Супруга Цзин ухаживает за Вдовствующей императрицей? Как предусмотрительно. Коли бы я вчера испустил дух, они в тот же миг возвели бы на трон свою марионетку. Одной достался бы титул Великовдовствующей, другой — Вдовствующей императрицы. Красивый расклад. Беда лишь в том, что Сын Неба бесследно исчез. Представляю, в каком они сейчас смятении, рыщут по всем углам...

Фан Цзысин не смел вставить ни слова. Супруга Цзин была некогда Императрицей, но Его Величество, вопреки воле двора и протестам цензоров, самолично лишил её сана. Тогда указы летели словно снежные хлопья, Кабинет министров умолял о пощаде, но Император остался непреклонен. Лишь из уважения к достоинству рода её не превратили в простолюдинку, а понизили в ранге и сослали в боковой дворец без права видеть Государя.

С тех пор как Император взошел на трон еще ребенком, а в двенадцать лет — по воле Вдовствующей императрицы и Регента — обзавелся супругой, в его покоях не бывало женщин. Внутренний двор опустел. Отношения между матерью и сыном окончательно разладились, и после опалы бывшей Императрицы Вдовствующая лишь затворилась в своих покоях, не расставаясь с четками.

Если бы не чудесное спасение Сюй Чунем, сегодня в Поднебесной уже сменилась бы эпоха...

— Найди того, кто похож на меня телом, — медленно заговорил Се И. — Посади в закрытый экипаж, и пусть Су Хуай с почестями доставит его во дворец. Объявите, что я уединился для ученых трудов и никого не принимаю. Пусть Су Хуай стережет двери, ни одна душа не должна войти. Сейчас праздничное затишье, дела в Кабинете стоят — обман раскроется не скоро. Посмотрим, кто первый выдаст себя, особенно среди тех, кто держит связь с внешним миром. Включая и великих канцлеров.

Голос Императора стал суровым:

— В четырех залах и двух кабинетах наверняка есть те, кто ждет моей смерти, дабы начертать указ о новом Государе. Глаз с них не спускать!

Фан Цзысин почтительно поклонился, принимая наказ.

— Ступай, — бросил Се И, но страж замялся.

— Мой повелитель, позвольте мне призвать гвардейцев из верных частей...

— Излишне, — отрезал Се И. — В конюшнях и гвардии наверняка есть шпионы. Лишние движения лишь выдадут нас. Здесь я в большей безопасности. Когда вы вернетесь во дворец с двойником, враги решат, что я лишь легко ранен и залечиваю раны в покое. У них не возникнет подозрений.

— Тогда позвольте привести моих домашних воинов... — не унимался Фан Цзысин. — Так мне будет спокойнее.

Се И снова усмехнулся:

— Твои домашние слуги не чета тем мальчишкам, которых госпожа Шэн оставила приглядывать за внуком. Ты думаешь, следы падения с коня и укуса змеи удалось бы скрыть без их расторопности? А что до удобств... Пожалуй, в этом доме о роскоши знают больше, чем в моих покоях. Готов спорить, все окрестные дома в этом квартале куплены кланом Шэн и полны их охраны, иначе вчерашнее переполох не остался бы тайной для соседей.

Фан Цзысин признал правоту Государя:

— Слушаю и повинуюсь.

— И помни: при Сюй Чуне зови меня просто «Девятым господином». Никаких чинов. И еще... — Се И помедлил. — Есть ли у тебя при себе деньги? Дай Сюй Чуню десять тысяч лянов — на мои расходы. А после распорядись в Управлении императорского двора: пусть найдут повод и пожалуют семейству Шэн звание императорских купцов.

Фан Цзысин знал: Император не терпит долгов. Спасение жизни — заслуга беспримерная, и этот дар клану Шэн был достойной наградой, хоть и преподнесенной окольным путем. Сам он тоже чувствовал глубокую признательность к этим людям.

Сюй Чунь, приняв банковские билеты, лишь пожал плечами. «Девятый брат» выглядел столь благородно и гордо, что было бы странно, если бы он позволил кормить себя даром. Юноша лишь боялся, что родные заберут гостя, но, увидев, что господин Фан оставил лишь двух слуг и деньги, прося и дальше заботиться о друге, Сюй Чунь пришел в совершенный восторг.

С того дня он окружил Се И поистине материнской заботой. По три раза на дню посылал людей к лекарю Чжоу, самолично следил за каждой чашей отвара и каждой переменной блюд. Его нежная предупредительность и искреннее рвение тронули бы даже камень.

И Се И, прежде считавший Сюй Чуня лишь никчемным прожигателем жизни, начал думать, что этот юноша не так уж безнадежен.

<http://bllate.org/book/16990/1582990>